

Лео и Стелле

2014–2015

1

ЭЛИЗАБЕТ

Она проснулась в тишине. В этот час не спят только матери и страдающие от бессонницы. Ей не обязательно было смотреть на часы, чтобы знать — через несколько секунд ребенок заплачет; и она возьмет его из кровати, еще не вполне открыв глаза спросонья; и изнеможение уступит место смирению, преданности, стоит ей только почувствовать теплую тяжесть его тельца.

При виде спящего мужа ее внезапно обожгла вспышка ярости, но она быстро угасла, и Элизабет, на ходу снимая с малыша подгузник, спускалась по лестнице, спрашивая себя: что произойдет, если она уронит ребенка, если он умрет? Ответ был таким же привычным, как и вопрос: она просто выйдет в окно. На том и порешив, Элизабет поцеловала младенца в макушку.

Видеоаффирмация, которую она нашла в Интернете, затянула успокаивающим тоном: «Каждый раз, когда я кормлю ребенка, я выпиваю стакан воды. Так я напоминаю себе, что тоже заслуживаю заботу». Хотя чтобы налить в стакан воды, требовалось больше сил, чем у нее сейчас было, но, подумала она, достаточно знать, что она должна это сделать.

В гостиной глаза уже свыклись с темнотой. Она разглядела черные и сизые тени от стеклянной посуды и золотой кофейный столик, с которым вскоре предстояло расстаться, пару кресел, горшок с фиговым деревом под два метра вы-

сотой, чьи листья напоминали скрипку. Она расставила все предметы так же, как они стояли в их бруклинской квартире, но здесь все выглядело как-то иначе.

Элизабет нагнулась и достала из-под дивана уродливую подушку с дурацким названием. *Мой сисечный друг*. Кто-то, она уже не помнила кто, вручил ей подушку перед рождением ребенка, заверив, что это подарок богов. Это оказалось правдой, хотя она и чувствовала себя так, будто напялила спасательный жилет, всякий раз застегивая ее на талии.

Она села, уложив ребенка на колени. Задрала футболку, растянула лифчик. Малыш вцепился в нее и начал ритмично сосать, еще четыре месяца назад это невозможно было себе представить. Чтобы выписаться из больницы после родов, она обязана была посетить часовой семинар по грудному вскармливанию. Весь тот час Элизабет проваливалась в сон, открывая глаза всякий раз, когда билась головой об стену.

Одной рукой она держала телефон над головой ребенка, заходя в «Фейсбук». Прямоком на страницу «Бруклинские мамочки», как обычно. Элизабет прокрутила ленту до того момента, где остановилась перед тем, как легла спать. Оповещения об обновлениях на странице приходили ежеминутно. Здесь женщины составляли друг другу компанию. Она представила ряд темно-коричневых домов в старом районе, погруженных во тьму — за исключением светящихся экранов телефонов, связывающих их всех.

Был пост от женщины, просящей советов по поводу региональных полетов с тоддлером. Элизабет прочла все тринадцать комментариев с интересом несмотря на то, что у нее не было ни тоддлера, ни планов лететь куда-нибудь в обозримом будущем. Кто-то спрашивал о вакцине против гриппа. Кому-то срочно нужен был торт на день рождения в форме единорога. Мими Винчестер, недавно купившая таунхаус за три миллиона, продавала ношеную мальчиговую курточку, размер 2Т, за девять долларов.

Раньше Элизабет высмеивала таких женщин — женщин, окончивших престижные университеты и преуспевших на избранном поприще, но приходящих в ужас от мысли о стрижке ногтей новорожденному. Теперь же они стали ее спасением — единственными живыми людьми, которых заботили все те же вопросы, что и ее; людьми, у которых на все были ответы. Они изучали быстро развивающийся язык, на котором говорили с неделю или две, прежде чем он менялся снова. Что еще делать с этим новоприобретенным знанием, как не делиться им. Женщина, чей ребенок был старше ее малыша на шесть недель, становилась пророком.

Через десять минут Элизабет поменяла стороны.

Появился новый пост.

Немного не в тему, но... в прошлом месяце мой муж, как обычно, не поехал со мной в гости к моим родителям в Миннеаполис. Там я случайно встретила своего бывшего со времен колледжа, он недавно развелся. Теперь мы переписываемся в любой час дня и ночи. Является ли это эмоциональной изменой? Должна ли я прекратить это общение? Потому что, блин, это ВЕСЕЛО, и я думаю, что заслужила немного поразвлечься.

На ее аватарке улыбающуюся загорелую блондинку обнимал высокий парень. Они стояли на белоснежном песчаном пляже, вдалеке виднелись пальмы. Возможно, их медовый месяц. Половина женщин в соцсетях по-прежнему использовала свадебные фотографии, включая, заметила Элизабет, и тех, кто больше других жаловался на своих бесполезных мужей.

Секреты, которые они поверяли друг другу, обескураживали. Группа была помечена как закрытая, но это всего лишь значило, что нужно отправить запрос на вступление. В группе состояло 4237 участников и, по крайней мере теоретически, большинство из них жили в пределах двадцати кварталов друг от друга. И все-таки это казалось безопас-

ным местом. Вызывающим доверие и гарантирующим анонимность.

Одни и те же пятнадцать женщин комментировали каждый пост, каждая со своим предсказуемым мнением по тому или иному вопросу.

Когда кто-то спрашивал, заводить ли третьего ребенка, уверенная в своей правоте эко-активистка говорила, что она вот не завела, беспокоясь о глобальном потеплении и углеродном следе своей семьи. Стоило кому-то опубликовать рецепт курицы на скорую руку, и защитница природы в комментариях строчила манифест на тему того, почему растит своих детей веганами.

Мими Винчестер успела пожаловаться на свою квартиру (она бы убила за студию!), свою домработницу (она не помыла окна) и даже каким-то образом на свой дом в Хэмптоне (пробки!).

Сплетницы обожали сообщать о нянях, которые кормили ребенка вредной едой или болтали по телефону столько, что это казалось уже чересчур. Были и те, кто вставал на защиту нянь вне зависимости от их поведения.

Лучшая подруга Элизабет, Номи, говорила, что больше всего ее раздражали друзья, которые не делились своими проблемами при личном общении, зато постили их в группе бруклинских мамочек. Прошлой весной Таня, их подруга по колледжу, тоже живущая по соседству, провела целый вечер, болтая ни о чем, только чтобы два дня спустя опубликовать в группе пост о том, что она ищет адвоката по бракоразводным делам.

— Я не собираюсь говорить, что знаю об этом, пока она не скажет мне напрямую, — заявила Номи.

— Мне кажется, она считает, что ты увидишь ее пост на «Фейсбуке» и сама ее спросишь, — отозвалась Элизабет.

— Ну а я не стану.

Элизабет, как и большинство людей, оставалась молчаливым наблюдателем: редко комментировала, никогда не пу-

бликовала посты сама, несмотря на все то время, которое проводила на странице.

Не прошло и пяти минут, как двенадцать женщин посчитали, что переписка улыбающейся блондинки со своим бывшим парнем была ничем иным, как безобидным флиртом. Еще десять заявили, что ее надо немедленно прекратить.

Публикации такого рода появлялись примерно раз в месяц, выделяясь на фоне многочисленных вопросов о приучении к горшку и игровых группах. Кто-то признавался в алкоголизме мужа, неверности или навязчивом желании сбежать, и все остальные немедленно включались в обсуждение, взбудораженные причастностью к чьей-то тайне.

О таких постах Элизабет рассказывала Эндрю наутро, хотя и знала, что ему все равно. Часть удовольствия от группы заключалась в возможности обсудить ее с кем-то в реальной жизни. Она скучала по средам в Бруклине, когда Номи работала из дома и встречалась с ней, чтобы пообедать вместе в блинчиковой на Корт-стрит. И постоянно прокручивала в голове их последнюю встречу. Как они сидели и говорили, обе не желая заканчивать беседу, пока парень за прилавком не сказал, что кафе закрывается. Тогда подруги продолжили разговор на улице, в августовской липкой жаре, совсем как в тот день на парковке после выпускного в колледже.

Номи однажды поклялась, что никогда не будет жить в Бруклине. Когда она приезжала первый раз из Манхэттена на бранч, то сразу после, садясь в такси, провела рукой по лбу Элизабет, как Барбара Стрейзанд в фильме «Какими мы были», и сказала: «Прелестный райончик, Хаббел». Но это случилось за два года до того, как они с Брайаном переехали, купив четырехкомнатную квартиру с лифтом в новостройке с бассейном. Элизабет же жила только в пыльных рентовках, изъеденных плесенью, со скрипящи-

ми деревянными полами. В тех местах, о которых в объявлении говорилось, что они обладали характером и шармом, если уж не центральным отоплением и прачечной в здании.

Долговечность их дружбы Элизабет отчасти списывала на то, что у них с Номи были противоположные вкусы на мужчин и недвижимость. Завидовать друг другу им не представлялось возможным.

— Совершаю ли я огромную ошибку? — спросила Элизабет, когда они прощались, заключив друг друга в объятия. Ее малыш спал в коляске.

— Да, — ответила Номи.

— Что-то не чувствую твоей поддержки.

— Я все еще зла на тебя из-за того, что ты уезжаешь.

— Я всегда говорила, что собираюсь.

— Но ты говорила об этом так долго, что в какой-то момент я уже перестала тебе верить.

Элизабет повезло иметь подругу, которая знала ее лучше всех и была рядом все это время.

Она предполагала, что именно по этой причине она так вцепилась в районную группу на «Фейсбуке»: это заставляло ее забыть, что теперь она живет за двести пятьдесят миль от Бруклина, в городе, где у нее нет друзей.

«Я твой друг», — говорил ей Эндрю.

Но мужья не считаются.

Он тоже не обзавелся здесь друзьями, но у него, по крайней мере, были сослуживцы и забавные истории о работе.

Чаще всего Элизабет брала Гила на прогулку после обеда и проходила мимо детской площадки, где мамы стояли кучкой, сплетничали, смеялись.

«Боже, ну ты же не новенькая в средней школе, — упрекала она себя. — Подойди и поздоровайся».

Они были взрослыми женщинами. Они должны быть милы, по крайней мере в лицо. Но подойти Элизабет так и не решилась. Ее останавливала странная помесь нелов-

кости и усталости. И страх, что их компания все равно ей не понравится.

Несмотря на то, что она уже отговорила себя от желания познакомиться с женщинами на площадке, втайне Элизабет продолжала надеяться, что те заметят ее и помашут рукой, но они этого не сделали.

Младенец насытился и закрыл глаза, его голову тянуло вниз, как якорь на дно. Элизабет отнесла сына наверх и мягко, осторожно уложила в кроватку, как будто он был бомбой, которая грозила взорваться при неправильном обращении.

Те несколько часов, что оставались до его следующего пробуждения, она лежала в постели и не могла заснуть. Хотя понимала, что должна постараться, что новый день обещает быть суматошным. Интервью с потенциальной няней, письма, на которые нужно ответить, просто время с младенцем, которое заполнится непонятно чем. Но она все пялилась в телефон, не желая пропустить, как бруклинские мамочки разбирали эмоциональную измену блондинки.

Вайолет, ее терапевт, сказала бы, что Элизабет пытается отвлечься — от секрета, который она хранила от мужа, от проблем свекра, от отношений с собственными родителями, которые всегда были напряженными, но в последнее время стали совсем болезненными.

Элизабет обратилась к Вайолет без всякого намерения возвращаться потом неделя за неделей. Она всего лишь хотела, чтобы кто-то сказал ей, что у нее клиническая депрессия, или тревожность, или что причиной ее бегущих по кругу мыслей был дефицит белка. Ей хотелось получить четкий диагноз и простое лечение, что-то, что она могла купить в аптеке или магазине здорового питания и немедленно почувствовать себя лучше.

- Терапия так не работает, — предупредила Номи.
- Послеродовая депрессия реальна, — сказала Вайолет.
- Я знаю, что реальна, но дело не в ней, — возразила

Элизабет, — я всегда была такой.

Сейчас она обратилась за помощью только из-за Гила. Почувствовала необходимость подлатать себя прежде, чем сын узнает обо всех ее поломках.

Вайолет сказала, надо помнить, мысли — это пар. И посоветовала прочесть Экхарта Толле.

Когда Элизабет гуглила информацию о Вайолет, то наткнулась на эссе, которое терапевт написала несколькими годами ранее для антологии о матерях и дочерях, так что ей было известно, что у Вайолет нет детей и ее мать умерла, а любимый старик отец страдал Альцгеймером.

Иногда на приеме, когда Элизабет жаловалась на свою семью, она спрашивала себя, не подавляет ли Вайолет желание закричать: «Моя идеальная мать мертва, мой отец не знает, кто я такая, а твои никчемные родители все живут и живут. Разве это честно?»

Вайолет много зевала, и это ранило Элизабет.

Открылись глаза. Она проснулась. Только так Элизабет могла быть уверена, что поспала. Десять минут? Час? Разобраться невозможно.

Было пять часов утра. Малыш проснется с минуты на минуту. Она подумала о том, как долго их тела еще будут синхронизироваться друг с другом так, что она всегда сможет предугадать, что ребенок будет делать.

Элизабет проверила страничку «Бруклинских мамочек», пока лежала в ожидании.

Женщина по имени Хезер написала около четырех, спрашивая, нужно ли сцеживать молоко после двух бокалов вина. Ей быстро ответил целый хор «нет». Хезер всех поблагодарила и призналась, что чувствует себя виноватой.

Из-за того, что не получает достаточно витаминов и что ест «Орео», когда поклялась питаться только органической едой ради здоровья ребенка.

Чувство вины сближало их всех.

«Перестань загоняться, — написала одна из женщин. — Многовариантный анализ влияния “Орео” на здоровье — это опасный путь».

Элизабет призадумалась над этой фразой, удивленная.

Заплакал ребенок. День начался.

2

Летняя жара продлилась до середины сентября, но раннее утро радовало прохладой. Холодный ветер предвещал перемену погоды.

Перед работой Эндрю они прогуливались у пруда на территории местного колледжа, примерно повторяя свой прежний распорядок. В Бруклине они каждое утро доходили с коляской до ближайшей кофейни, заглядывали в окна новых ресторанов, здоровались с соседями, выгуливающими собак. Здесь не было ни кофеен, ни ресторанов в радиусе мили. Элизабет напомнила себе, что этого она и хотела — природы, спокойствия, пения птиц.

Эндрю купил френч-пресс и теперь делал ей кофе по утрам. Когда они собирались на прогулку, он наливал напиток в термокружку.

— Где же настоящие студенты? — спросил Эндрю, когда они впервые шли по Мэйн-стрит, проходящей через главное университетское здание.

— Полагаю, вот, — она махнула рукой в сторону девушек вокруг. Те стояли группками у светофора, сидели на ступеньках кампуса, мчались на пары, сгорбившись под тяжестью рюкзаков. Ожившие фото из рекламных буклетов.

— Да быть не может, — ответил Эндрю, — они похожи на шестиклассниц.

Им навстречу бежали студентки — пара по физкультуре. Их белые ветровки хлопали на ветру, когда они пробежали мимо.

Большинство из них улыбались, глядя на спящего малыша в слинге у Элизабет. Та улыбалась в ответ, стараясь казаться веселой. Хотя на самом деле была раздражена: Эндрю, проснувшись, сообщил, что забыл ее предупредить — сегодня они ужинают у его родителей. Часы после работы оставались ее единственной возможностью побыть одной, без младенца, поболтать с мужем. Она не хотела жертвовать свободным временем ради ужина со свекрами.

Они дошли до середины пруда; к ветке дерева, склонившегося над водой, была привязана веревка. Элизабет представила пьяных студенток в обрезанных шортах, с криками катающихся на этой импровизированной тарзанке. Делавших неверный выбор, который в конечном итоге не имеет значения. У них еще все впереди.

— Эти сверчки отвратительны, — сказала она. — Это они же, сверчки? Такие здоровые. Ненавижу, когда они на меня садятся, а ты?

— На меня никто не садится, не знаю, — пожал плечами Эндрю.

— Ощущается вот так, — она ущипнула его за руку.

Он приподнял бровь.

«Отмечайте моменты, когда вы чувствуете, что обижаетесь, — говорит Вайолет. — Не придавайте им значения, просто принимайте к сведению».

Номи выразила это проще: «Ты, возможно, будешь ненавидеть Эндрю какое-то время после рождения ребенка. Он к тебе прикоснется — тебе, возможно, захочется умереть. Не переживай. Это пройдет».

Элизабет его не ненавидела. Ей повезло встретить такого доброго мужчину, как Эндрю, партнера, который ее так понимал. Но за последние месяцы столько всего изменилось. Иногда казалось, что они будто стоят по разным углам комнаты,

набитой людьми, и видят друг друга, но не могут дотронуться. Она не понимала, как и когда им удастся вновь сойтись.

К тому же она кое-что от него скрывала, Вайолет называла это «токсичным».

«Отношения разрушает не то, что вы утаиваете, — сказала психотерапевт. Утаивание само по себе разрушает близость».

«Я понимаю, — ответила Элизабет. — Но думаю, это не тот случай».

Когда Эндрю ушел на работу, она решила принять душ.

На телефоне, оставленном на стуле за дверью, играли детские песенки. Малыша она устроила в переноске на полу. Гил начал плакать на середине песни «Эта земля — твоя земля». Элизабет смыла с волос кондиционер и выключила воду. Уже неделю ей не удавалось побрить ноги.

Завернувшись в полотенце, она взяла Гила на руки.

Выйдя из ванной, Элизабет взяла телефон и просияла, увидев сообщение от Номи.

«Брайан ведет себя странно. Он либо завел интрижку, либо планирует что-то на мой день рождения».

«День рождения», — написала в ответ Элизабет. Тут и думать было нечего. Брайан был способен на многое, но обманщиком он не был.

«Откуда такая уверенность?»

«Он последний человек на земле, который заведет роман на стороне».

«Но разве это всегда не тот, кого меньше всего подозреваешь?»

«Нет, тот, кого меньше всего подозреваешь, это убийца. Когда дело касается неверности, это тот, кого подозреваешь больше всего».

Они больше не разговаривали — голосом. Больше не было «привет» и «пока», только один не кончающийся диалог, который они продолжали с того места, где остановились, в течение дня. Если бы ее лучшая подруга позвони-